

ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Из книги "Ночные истории"

Перевод М. Бекетовой

OCR, Spellcheck: Ostashko

Натэнаэль Лотару

Вы все, наверное, в большом беспокойстве от того, что я так ужасно долго не писал. Матушка, пожалуй, сердится, а Клара могла подумать, что я катаюсь здесь как сыр в масле, развлекаюсь и совсем позабыл ее ангельское личико, так глубоко запечатленное в моем уме и сердце. Но это совсем не так. Ежедневно и ежечасно вспоминаю я всех вас, и в сладких снах является мне приветливый образ моей милой Клэрхен и ясные глаза ее улыбаются мне так пленительно, как это бывало, когда я приходил к вам. Ах, разве я мог писать вам в том растерзанном, смятенном состоянии духа, которое до сих пор еще путает все мои мысли?! В жизнь мою вошло нечто ужасное! Смутное предчувствие грозящей мне страшной беды надвигается на меня, как черные тени облаков, сквозь которые не проникнет уже ни один приветливый солнечный луч. Но надо же наконец сказать тебе, что со мной случилось. Я знаю, что должен это сделать, но, думая об этом, тут же слышу, как внутри меня раздается безумный хохот.

Ах, дорогой мой Лотар! Что мне сделать, чтобы хоть отчасти заставить тебя почувствовать, что то, что случилось со мною несколько дней назад, действительно могло испортить мне жизнь? Если бы ты был здесь, ты бы сам это видел; но теперь ты, очевидно, сочтешь меня за помешанного духовидца. Говоря коротко, то ужасное, что со мной случилось и произвело на меня убийственное впечатление, от которого я напрасно стараюсь избавиться, состоит в том, что несколько дней назад, а именно 30 декабря в полночь ко мне в комнату пришел продавец барометров и предлагал мне свои товары. Я ничего не купил и пригрозил спустить его с лестницы, но он ушел сам.

Ты подозреваешь, что только совсем особые обстоятельства, глубоко повлиявшие на всю мою жизнь, могут придать смысл этому случаю и что особа какого-то несчастного торговца не могла так пагубно на меня воздействовать. Так оно и есть. Я собираю все свои силы, чтобы спокойно и терпеливо рассказать тебе многое из того, что случилось со мной в раннем детстве, желая, чтобы все это в самых ярких образах, ясно и точно предстало перед твоим живым умом. Но, собираясь начать, слышу, как ты смеешься, а Клара говорит: "Да ведь это просто ребячество!" Смейтесь, прошу вас, смейтесь надо мной от всего сердца! Я очень прошу вас! Но, Боже великий! Волосы становятся у меня дыбом, будто я умоляю вас надо мной смеяться в каком-то безумном отчаянии, как Франц Моор Даниэля. Но к делу!

Кроме обеденного времени, я и мои сестры мало видели отца в течение дня. Он был, вероятно, очень занят службой. После ужина, который по старинному обычаю подавался в семь часов, мы все вместе с матерью шли в его рабочий кабинет и садились за круглый стол. Отец курил табак и выпивал большой стакан пива. Он часто рассказывал нам разные удивительные истории и приходил при этом в такой азарт, что у него все время выпадала изо рта и гасла трубка, а я должен был снова и снова ее разжигать, поднося зажженную бумагу, и это меня необыкновенно забавляло. Часто, однако, он давал нам в руки книжки с картинками, а сам сидел в кресле молчаливый и неподвижный, распространяя вокруг себя такие густые облака дыма, что все мы будто плавали в тумане. В такие вечера мать бывала очень печальна и, как только пробьет девять часов, говорила: "Ну, дети! Спать! Спать! Я чувствую, что уже идет песочный человек!" И я действительно каждый раз слышал тяжелые, медленные шаги на